

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ РЕАЛИЙ

Статья посвящена вопросам классификации языковых реалий (лингвокультурологический аспект). Особое внимание уделяется аксиологической значимости языковых реалий, а также способам отражения экстралингвистической семантики в них.

Язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. (Я. Гримм, Р. Раск, В. Гумбольдт, А.А. Потебня) и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании. Первые попытки решения этой проблемы усматривают в трудах В. Гумбольдта (1985), основные положения концепции которого можно свести к следующему:

1) материальная и духовная культура воплощаются в языке;

2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ);

3) ВФ языка – это выражение «народного духа», его культуры;

4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром.

Концепция В. Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А.А. Потебни «Мысль и язык», в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона и других исследователей.

Е.Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте.

Соотношение языка и культуры чрезвычайно сложно и многоаспектно. К сегодняшнему дню в решении этой проблемы наметилось несколько подходов.

Первый подход разрабатывался в основном отечественными философами – С.А. Атановским, Г.А. Брутяном, Е.И. Кукушкиным, Э.С. Маркаряном. Суть этого подхода в следующем: взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону; так как язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – простое отражение культуры.

Если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым. Он составляет сущность *второго подхода* к проблеме соотношения языка и культуры. Лучшие умы XIX в. (В. Гумбольдт, А.А. Потебня) понимали язык как духовную силу. Язык – такая окружающая нас среда, вне которой и без участия которой мы жить не можем. Как писал В. Гумбольдт, язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Следовательно, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально-культурной ролью.

В рамках второго подхода исследовала эту проблему школа Э. Сепира и Б. Уорфа, выдвинувших гипотезу лингвистической относительности. В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира».

Дальнейшие рассуждения о взаимосвязи языка и культуры относятся к *третьему подходу*.

Язык – факт культуры, потому что: 1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка.

Как заметил К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический спо-

соб существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

Взаимосвязь языка и культуры нашла отражение в такой области знаний, как лингвострановедение, предметом изучения которого является информация, содержащая важные национально-культурные понятия, идеи, реалии, находящие свое отражение в страноведчески релевантной лексике.

В понимании Г.Д. Томахина лингвострановедение трактуется как страноведчески ориентированная лингвистика, объектом изучения которой являются языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой, выступающей в качестве сосредоточения знания народа - носителя языка и окружающей деятельности.

Данные языковые единицы являются знаком реалии и единицей языка.

«Реалия» – латинское прилагательное среднего рода множественного числа (*realis*, -e, мн. *realia*-«вещественный», «действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное. Им обозначают «предмет» и «вещь», материально существующую, нередко связывая по смыслу с понятием «жизнь».

Согласно словарным определениям реалия – это предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа страны, не встречающееся у других народов, это слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление, также словосочетание (обычно – фразеологизм, пословица, поговорка), включающее такие слова.

Термин «реалия» а значении реалии-слова, в качестве знака реалии – предмета и как элемент лексики данного языка получил в лингвистической литературе довольно широкое распространение.

О реалиях как о носителях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия, заговорили лишь в начале 50-х годов.

Чаще всего в литературе встречаются следующие термины для обозначения реалий: «экзотическая лексика», «БЭЛ» и наряду с ними, нередко в том же или близком значении – «варваризмы», «локализмы», «этнографизмы», «этнолексемы», «этнокультурная лексика», «страноведческая лексика», «пробелы» и т.д.

Вопрос о реалиях ставится в работах М.Л. Вайсбурд, Е.М. Верещагина, И. Келлера, В.Г. Костомарова, А.Д. Райхштейн, Вл. Россельса,

Л.Н. Соболева, А.Е. Супруна, Г.Д. Томахина, Г.В. Чернова.

По мнению М.Л. Вайсбурд, к числу реалий можно отнести события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, географические пункты, произведения искусств и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, артистов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений, явления природы (в последнем случае реалии носят региональный характер), а также множество разрозненных факторов, не поддающихся классификации.

У Л.Н. Соболева термином «реалия» обозначаются бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах.

Вл. Россельс видит в реалиях иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления, не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится. Он предлагает более развернутую дефиницию: «реалия – предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов; реалия – также слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление, также словосочетание (обычно – фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающее такие слова».

Л.С. Бархударов характеризует реалии как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке», перечисляет возможные референты «предметы материальной и духовной культуры», например, «блюда национальной кухни», виды «народной одежды и обуви», «народных танцев», «политические учреждения и общественные явления» и т.д.

По мнению М.Л. Вайсбурд, понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (маевка, декабристы, щи, пятак), словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха), предложениями (не все коту масленица, что станет говорить княгиня Мария Алексеевна), сокращениями (ЦПКиО, ОПН, горно, КГБ).

Количество реалий, каждая из которых характеризуется определенной формой, лексической, фонетическими и морфологическими особенностями, в любом языке велико. Встает вопрос об их упорядочении, т.е. необходима классификация реалий, поскольку она дает возможность, во-первых, охарактеризовать эту специфическую лексику, дать ей определение, во-вторых, она способствует более верному решению вопросов, связанных с переводом реалий с одного языка на другой, т.к. место, занимаемое конкретной реалией в классификации, может показать переводчику степень значимости ее для того или иного контекста.

У А.Е. Супруна реалии делятся по предметному признаку на «несколько семантических групп».

Таблица А.А. Реформатского, составленная для курса введения в языкознание, построена на предметно-языковом принципе: отмечается, из каких языков в русскую лексику вошли иноязычные слова, означающие: 1) имена собственные, 2) монеты, 3) должности и обозначения лиц, 4) детали костюма и украшения, 5) кушанья и напитки, 6) обращения и титулы при именах.

Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров предлагают свою классификацию русских национальных реалий:

1. советизмы – слова, относящиеся к советской действительности, выражающие понятия, которые появились в ходе коренной перестройки общественной жизни после 1917 года: большевик, агитпункт, актив;

2. слова, относящиеся к традиционного быту: баня, баранка;

3. слова, относящиеся к новому быту: барабанщик, академгородок;

4. фразеологические единицы, разговорные изречения: бить баклуши, бабье лето, белый;

5. историзмы – слова, обозначающие предметы и явления предшествующих исторических периодов. В современном языке употребляются с переносным значением: боярин, архаровец, барщина, разночинец;

6. слова из фольклора, народного творчества, сопряженные для русского с эмоциональной окраской: богатырь, балда, баба-яга, добрый молодец;

7. антропонимы, т.е. личные имена, вызывающие в сознании нашего современника ряд определенных ассоциаций: Александр Невский, Богдан Хмельницкий;

8. топонимы – географические наименования, отягощенные для нашего современника многочисленными и яркими ассоциациями: Арбат, Горький;

9. коннотативные слова, т.е., казалось бы, вполне нейтральные и имеющие переводы на другие языки, отягощенные для русского литературными, эстетическими, художественными и эмоциональными ассоциациями: береза, белый, «Анчар».

Классификация А.С. Ермагамбетовой построена с учетом частного положения – перевода с казахского языка. Основой для данной классификации являются примеры национальных слов – реалий из художественных произведений. Все реалии подразделяются на три большие группы, которые в свою очередь состоят из нескольких подгрупп:

А. Общественно-исторические реалии:

1. названия административно-территориальных единиц и населенных пунктов;

2. реалии, связанные с условиями жизни, занятиями;

3. наименования социальных слоев, чинов, должностей, обращений;

4. реалии, связанные с обрядами, традициями и обычаями народа;

5. реалии, связанные с культурой народа;

Б. Географические и этнографические реалии:

1. географические понятия;

2. этнографические понятия.

В. Реалии быта:

1. жилье, жилищный интерьер, посуда, утварь;

2. названия предметов национальной одежды, головных уборов, украшений;

3. национальные блюда, напитки;

4. названия музыкальных инструментов;

5. меры.

Детальная классификация реалий, предложенная С. Влаховым и С. Флориным, позволяет рассматривать их под разными углами зрения: разделить их (реалии) по их коннотативным значениям, т.е. в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита.

Общая схема данной классификации имеет вид:

1. Предметное деление:

А. Географические реалии: 1) названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии; 2) названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; 3) названия эндемиков.

Б. Этнографические реалии:

1. Быт: а) пища, напитки и т.д.; б) одежда (включая обувь, головные уборы и пр.); в) жилье, мебель, посуда и др. утварь; г) транспорт (средства и «водители»); ж) другие;

2. Труд: а) люди труда; б) орудия труда; в) организация труда (включая хозяйство и т.п.).

3. Искусство и культура: а) музыка и танцы; б) музыкальные инструменты; в) фольклор; г) театр; д) другие искусства и предметы искусств; е) исполнители; ж) обычаи, ритуалы; з) праздники, игры; и) мифология; к) культы; л) календарь.

4. Этнические объекты: а) этнонимы; б) клички; в) названия лиц по месту жительства.

5. Меры и деньги: а) единицы мер; б) денежные единицы.

В. Общественно-политические реалии.

1. Административно-территориальное устройство: а) административно-территориальные единицы; б) населенные пункты; в) части населенного пункта;

2. Органы и носители власти: а) органы власти; б) носители власти.

3. Общественно-политическая жизнь: а) политические организации и политические деятели; б) патриотические и общественные движения (и их деятели); в) социальные явления и движения (и их представители); г) звания, степени, титулы, обращения; д) учреждения; е) учебные заведения и культурные учреждения; ж) сословия и касты (и их члены); з) сословные знаки и символы.

4. Военные реалии: а) подразделения; б) оружие; в) обмундирование; г) военнослужащие (и командиры).

Существует и другое деление реалий – по месту и времени.

2. Местное деление.

Наименование классификации по месту несколько условно, поскольку реалии отнесены к той или иной рубрике не строго по местному признаку, а с учетом двух неразрывно связанных и взаимообусловленных критериев: 1) национальной принадлежности обозначаемого реалией объекта (ее референта) и 2) участвующих в переводе языков. Наиболее целесообразной основой для такого деления представляется не строго местный, т.е. экстралингвистический, а скорее языковой принцип, который позволяет в первую очередь рассматривать реалии: 1) в плоскости одного языка, т.е. как свои и чужие и 2) в плоскости пары языков, т.е. как внутренние и внешние. В зависимости от широты ареала, т.е.

от распространенности, употребительности, свои реалии могут быть национальными, локальными и микролокальными реалиями, а чужие – интернациональными и региональными. Таким образом, схема деления реалий по месту и языку приобретает следующий вид:

А. В плоскости одного языка. Б. В плоскости пары языков:

1. Свои реалии 1. Внутренние

а) национальные 2. Внешние

б) локальные

в) микролокальные

2. Чужие реалии

а) интернациональные

б) региональные

Рассмотрим схему более детально.

А. В плоскости одного языка реализия представляет собой лексическую единицу с указанными выше качествами. Встает вопрос: какие реалии считать своими, а какие чужими?

1. Свои реалии – это большей частью исконные слова данного языка. Таковы в русском языке: самовар, боярин, совет, комсомолец; в немецком: бюргер, хойриге (Heurige – молодое вино и связанные с ним празднества в Вене), вермахт (Wehrmacht), во французском: фиакр (fiacre – легкий экипаж, извозчик), бош (boche – презрительная кличка немцев).

Нередки, однако, и заимствования из других языков, вошедших в язык в разное время и разными путями, которые по восприятию их читателем подлинника ничем не отличаются от исконных. Характерными в данном отношении являются русские слова тюркского происхождения: тарантас, тайга, кибитка.

К «своим» реалиям в плоскости одного языка относятся национальные, локальные и микролокальные реалии:

1. Национальные реалии называют объектами, принадлежащими данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны: таково подавляющее большинство реалий, тем более что национальная принадлежность референта является одним из категориальных признаков реалий вообще.

2. Локальные реалии (их можно было бы назвать «местными» или «областными») в отличие от национальных принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту, наречию его, либо языку менее значительной социальной группы, с другой стороны, будучи диалектизмами, они обозначают и специфические для данной области объекты или отноше-

ние к ним, обладая поэтому признаками типичных реалий.

3. Микролокальные реалии – совсем условный термин, которым обозначают такие реалии, социальная или территориальная основа которых уже даже самых узколокальных: слово может быть характерным для одного города или села, не теряя своих особенностей.

2. Чужие реалии – это либо заимствования, т.е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки, т.е. поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы. Интернациональные и региональные реалии являются как бы подгруппами «чужих»:

1) интернациональные реалии фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари и обычно сохраняют вместе с тем исходную национальную окраску, если учитывать характернейший признак любой реалии – национальный колорит, противоречивым кажется уже само словосочетание слова «реалия» с этикетом, отвергающим национальную обусловленность. И, тем не менее, случается так, что реалии выходят за рамки одного языка и становятся интернациональными. Для подобных слов характерна следующая особенность: их содержание может отличаться от первоначального, сходного. Например, слово сомбреро по-испански просто «шляпа», головной убор вообще. Но для нас это головной убор особого покроя, с широкими полями. А шляпу же, по-нашему «типа сомбреро», в Испании называют «кордовским сомбреро».

2) Региональные реалии – это те, которые перешагнули границы одной страны или распространились среди нескольких народов (не обязательно соседних), обычно вместе с референтом, являясь составленной частью лексики нескольких языков.

Б. В плоскости пары языков реалии рассматриваются главным образом с точки зрения перевода. Удачно для этого случая деление В.П. Беркова на внешние и внутренние реалии.

1. Внешние реалии одинаково чужды обоим языкам: например, фиорд – внешняя реалия для русского и любого другого языка, за исключением норвежского.

2. Внутренние реалии – слова, принадлежащие одному из пары языков и, следовательно, чужие для другого; фиорд – внешняя для русско-

го и французского языков, для пары – норвежского и русского она будет внутренней. То есть в плоскости одного языка она будет своей для норвежского и чужой для всех остальных языков.

Обобщая сказанное о местном делении, необходимо еще раз подчеркнуть некоторую условность всего деления, т.к. нередко одну и ту же реалию можно с одинаковым основанием отнести к разным рубрикам.

3. Временное деление.

На основе временного критерия все реалии можно условно разделить в самых общих чертах на 1) современные и 2) исторические. Чтобы такое деление приобрело реальное содержание, будем рассматривать следующие вопросы, характеризующие реалии в зависимости от:

1) времени и предмета;

2) времени и места;

3) путей проникновения и освоения (чужих) реалий.

1) Связь реалий по предмету и времени.

Статус реалии не всегда является постоянным качеством слова. Изменение этого статуса во времени видно, например, из перехода терминов в реалии и наоборот – реалий в термины и другие нетерминологические единицы.

Некоторые термины по той или иной причине, обычно связанной с изменением референта, постепенно отходят в область истории, превращаясь в своего рода исторические реалии. Обратный процесс связан также с референтом: для вновь созданной машины, детали, для входящего в обиход предмета потребовалось наименование, и его находят в старой реалии, которая становится названием нового референта, иногда утрачивая, а иногда и сохраняя связь с прежним.

Ярким примером вышесказанного может служить слово «спутник». От первоначального общезыкового слова до астрономического термина он прошел довольно длинный путь, но зато вошел в разряд реалий; причем реалия получилась своеобразная: для иностранного языка это был термин («искусственный спутник Земли»), а в любом иноязычном словаре его можно было обнаружить в качестве типичной русской реалии: фр. *spouthik*, нем. *Sputnik*, англ. *Sputnik* и т.д. – т.е. слово, обозначающее не сателлит вообще, не любой искусственный спутник Земли, а именно запускаемый Советским Союзом. Впрочем, таково было положение до 1969 г., когда при составлении международного многоязычного космонавтического словаря

была «достигнута договоренность», согласно которой термин «спутник» применяется к искусственным спутникам Земли, запускаемым в любой стране.

2) Связь реалий по месту и времени.

Исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника. Это случается, лишь когда чужая реальия относится, например, к глубокой древности (Древний Рим, Древняя Греция): тога, амфора, архонт, остракизм и т.п., в этом случае исторический колорит как бы преобладает на национальным. Кроме того, многие из этих реалий приобрели со временем переносные значения, перешли в разряд фразеологизмов, что еще больше ослабило отнесенность их к определенному месту.

Однако многие реалии можно рассматривать в историческом плане, не теряя из виду национальную принадлежность. Такие слова представляют одинаково исторические и национальные реалии. Слова «помещик, городничий, губерния, земство», обозначая понятия, связанные с русской жизнью, ограничены и рамками дореволюционной эпохи, к другой эпохе в России – временам Ивана IV – относятся: опричник, местничество, земщина, опала, к той же или более поздней – дьяк, боярин, дума и т.д.

3) Освоение чужих реалий.

Проникновение в язык иноязычной лексики, в том числе и реалий, осуществляется параллельно с укреплением или, реже, ослаблением международных связей, что в свою очередь связано с теми или иными политико-историческими и культурными событиями в жизни народа, ощущаемыми как «толчки» или «волны», и в освоении этой лексики. Эти процессы часто обусловлены течениями в литературе и искусстве, а нередко и периодически меняющимися вкусами, интересами, увлечениями общества. Историки языка и культуры могли бы в ряде случаев наметить и некоторую периодизацию поступления этих элементов по историческим эпохам наряду с поступлением заимствованных слов вообще. Лингвострановедческий подход подразумевает рассмотрение реалий как особого значения. Это слова, словосочетания свободные или фразеологические, наконец, речения в форме предложений, именующие понятия, предметы, факты, специфические для носителей данного языка и культуры. Поэтому большая часть рассмотренных лингвострановедческих классификаций реалий основывается на аксиологическом принципе.

Все изученные классификации можно объединить:

– по денотативному признаку (обозначенный предмет, факт),

– по лингвистической природе (слова, словосочетания свободные и фразеологические, речения, коммуникативные единицы типа предложения (фразеорефлексы),

– по принадлежности к лексико-семантической группе (тематические),

– по временному признаку (исторические – современные),

– по локальному признаку (национальные, региональные, локальные, микролокальные).

Отбор лингвострановедческих реалий с педагогической точки зрения должен основываться на другом принципе: педагогу следует учесть воспитательный аспект учебного материала.

Учитывая воспитательный аспект предлагаемого на занятиях учебного материала, цели нашего исследования предполагали обращение к аксиологической значимости реалий. При таком подходе в учебный процесс целесообразно включать те реалии, которые обладают ценностным потенциалом, т.е. 1) отражают ценностные ориентации народа – носителя языка, 2) способствуют формированию у студентов необходимых ценностных представлений об истине, добре, долге, свободе, справедливости и т.п.

Очевидно, что некоторые реалии не имеют никакой аксиологической значимости, не отражают никаких понятий о ценностных категориях, нравственных императивах, характерных для данного народа. Таковы многие топонимы (Rhone, Aix, Savoie, Haute Marne), антропонимы (Monique, Pottier), бытовая лексика (sabots), названия явлений культуры (menhir). Но к тем же лексико-семантическим группам могут относиться реалии, выражающие национальные представления о добре, зле, других ценностях (Napoléon, Bastille, On ne tire pas sur les ambulances).

В предлагаемой нами классификации не учитываются следующие возможные принципы: временной и местный. Представляется, что для наших целей временным принципом можно пренебречь, т.к. нас интересует обогащение аксиологического потенциала личности студента в процессе обучения иностранному языку через лингвострановедческие реалии, передающие национальную специфику отношения носителей французского языка к миру, природе, их идеалы, жизненные цели, убеждения, устремления. Совершенно очевидно, что они переда-

ются реалиями как диахронического, так и синхронического плана (*sans-culotte*, *Gavroche*, *sante* (букв. здоровье, – тюрьма в Париже), *Centre Pompidou*), ибо национальный менталитет, характер запечатлевается на протяжении всего периода существования языка, а не только на каком-то определенном историческом этапе или в его современном срезе.

Что касается локального критерия, то он также нерелевантен для нашего исследования, т.к. для нас важны прежде всего национальные реалии, принадлежащие данному языку, а не региональные / локальные или микролокальные, представляющие собой диалектизмы, относящиеся к отдельным наречиям или языкам незначительных социальных групп.

Наибольшим аксиологическим потенциалом обладают имена собственные, к которым относятся антропонимы и топонимы.

К антропонимам традиционно относятся имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, персонажей художественной литературы и фольклора, названия произведений литературы и искусства, исторические факты, события в жизни страны, названия государственных и общественных учреждений и т.п. Имена собственные как единицы языка выступают носителями определенного национального колорита. Для функционирования имен весьма существенны дополнительные сведения, ассоциации, которые в терминах лингвострановедческой теории слова называются лексическим фоном. Когда речь идет об именах собственных, актуальных в массовом, обыденном сознании носителей данного языка и культуры, обладающих массой различных культурно-исторических ассоциаций, в сознании говорящего и слушающего

должен возникнуть образ обозначаемого именем объекта во всей полноте связанных с ним ассоциаций, общепринятых в данном этнокультурном коллективе.

Топонимы – географические названия. В них как в зеркале отражается история народа, история заселения и освоения территории. Среди географических названий можно выделить большую группу топонимов – реалий, связанных с какими-либо событиями в жизни народа – носителя языка и культуры и выполняющих в языке кроме своей основной функции – наименование географического субъекта ряд дополнительных функций. В подобных случаях для адекватного восприятия всего того, что скрывается за географическим названием недостаточно чисто географических познаний, необходимо также знание истории, культуры данной страны. Анализ производных от топонимов может дать ценнейший материал для понимания роли данного объекта в общественном сознании народа – носителя языка, в его истории, культуре, общественно-политической жизни и хозяйственно-практической деятельности.

Ассоциации, связанные с данными объектами, являются частью национальной культуры и могут быть неизвестны за пределами данной культуры. Особенности языкового материала лингвострановедческой природы заключается в том, что он отражает экстралингвистическую семантику, т.е. особую информацию, хотя и хранимую языком, но сложившуюся за ее пределами, соответственно усвоение информации, которая производна от национальной культуры, невозможно путем лишь презентации одних отдельных языковых единиц, поскольку непременно потребуются знакомство с самой национальной культурой.

Список использованной литературы:

1. Библер В.С. Культура: Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – №6. – С. 34.
2. Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // Рус. яз. за рубежом. – 1972. – №3. – С. 98-100.
3. Веденина Л.Г. Лингвострановедческий аспект преподавания французского языка во Франции // ИЯШ. – 1993. – №2.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
8. Маркарян Э.С. Культура как система (общетеоретические и исторические аспекты проблемы) // Вопросы философии. – 1984. – №1. – С.118-122.
9. Потехина А.А. Из лекций по теории словесности. Лекция восьмая // Русская словесность: Антология. – М., 1997.
10. Райхштейн А.Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов // Словари и лингвострановедение / Под ред. Верещагина Е.М. – М.: Рус.яз., 1982. – С.142-153.
11. Рогова Г.В. Лингвострановедение текста. – М., 1987.
12. Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом // ИЯШ. – 1980. – №6. – С. 47-50.
13. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке // ИЯШ. – 1981. – №1. – С. 64-69.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
15. Galisson R. De la langue a la culture par les mots / Didactique des langues étrangères. Clé International. – Paris, 1991.